

Виктор Ерофеев

Мир баллады. Жуковский

В России, как и на Западе, литературная баллада тесно связана с романтическим умонастроением. Впервые русская переводная баллада появилась в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» в 1795 году. Переводчица, поэтесса Анна Турчанинова, в качестве оригинала взяла балладу Перси. В 1804 году казанский поэт Каменев выступил с балладой «Громвал», которая обратила на себя внимание публики, однако подлинное рождение русской баллады связано с именем Жуковского.

Жуковский сыграл важную роль в развитии русской поэзии именно как «балладник» (так шутливо окрестил его Батюшков). Баллада нашла в Жуковском уникального популяризатора. Она соответствовала внутренним запросам его умонастроения. Здесь большую роль сыграли и биографические моменты, несчастная любовная драма Жуковского, длившаяся многие годы, и его обостренный интерес к метафизической, мистической проблематике, имевшей большое значение для русского дворянского общества, особенно в последние годы царствования Александра I.

«Гений перевода», по словам Пушкина, Жуковский не только благодаря своим переводам приблизил новейшую европейскую поэзию русскому читателю, но и создал самобытную русскую балладу. В этом отношении «Ленора» Бюргера оказалась очень важным помощником. Трижды в течение жизни обращался Жуковский к теме этой баллады, достигнув особого успеха в «Светлане», где впервые были намечены черты русского женского характера, использован стиль сказочного повествования. Жуковский «очистил» балладу Бюргера от просторечья. В этой связи завязался любопытный спор о жанре русской баллады между Катениным, который в 1816 году опубликовал свое переложение баллады Бюргера «Ольга», и Жуковским. Катенин настаивал на том, чтобы народный элемент оригинальной баллады был углублен «народным» языком, однако, с точки зрения Жуковского, это выглядело бы искусственно, поскольку русский фольклор не знал средневекового балладного творчества. Новаторскую эстетику Жуковского отметил Белинский, который писал относительно его баллады «Людмила»:

«Тогдашнее общество бессознательно почувствовало в этой балладе новый дух творчества — и общество не ошиблось».

Если баллада дала направление творчеству Жуковского, определила его творческий образ, то и Жуковский во многом способствовал выбору пути, по которому развивалась русская баллада. Баллады Жуковского, несмотря на тематическое многообразие, несмотря на то, что являются переложениями баллад разных авторов из разных стран (Бюргер, которого Жуковский особенно выделял, предпочитая Шиллеру, однако он переводил и Шиллера, его знаменитую балладу «Ивиковы журавли», а также Уланда, Гете, Саути, Вальтера Скотта), связаны смысловым единством. Дело не в том, что Жуковский «подгонял» оригинальные баллады под собственные эстетические мерки, — напротив, ему было свойственно необходимое для переводчика чувство самоограничения и такта, уважение к чужому тексту, — а в том, что Жуковский выделял истинное ядро романтической баллады — поведение человека в сложном, запутанном мире, где рок играет значительную роль. Но при этом человек все-таки мог сделать выбор — и прежде всего — выбор между добром и злом. Этическая основа баллад Жуковского — это одна из многих нитей, которые, сплетаясь, дали русской литературе этическую направленность.

Всякая литературная школа исчерпывает себя. Всякий прием вырождается в штамп. Развитие литературы — это не творческая прихоть, а способ ее существования. Относительно своего перевода баллады Саути Жуковский писал в частном письме:

«Вчера родилась у меня еще баллада — приемш, т. е. перевод с английского. Уж то-то черти, то-то гробы! Но это последняя в этом роде. Не думай, чтоб я на одних только чертях хотел ехать в потомство...»

Это признание во многом объясняет дальнейшее движение как русской, так и общеевропейской баллады. «Черти» перестали выглядеть символами, а превращались в заезженный прием, к которому тянулись эпигоны.

Романтическая баллада могла после Жуковского существовать лишь либо при обнажении ее приемов (которое могло получить ироническое или подчеркнуто стилизаторское значение), либо насыщаясь глубоким философским смыслом. Первый путь избрал для себя в своих балладах Пушкин, второй — Лермонтов.

Балладный импульс, данный творчеством Жуковского и Лермонтова, получил широкое развитие в русской поэзии XIX века, в произведениях Баратынского и Языкова, А.К. Толстого и Фета, а также других поэтов, вплоть до символистов, Блока и Бунина. Европейская и отечественная баллада вошли в плоть русской культуры, стали одной из основ ее поэзии.